

Цзян Цяо побледнел, услышав это. В семнадцать лет он поступил на режиссёрский факультет, и с тех пор его жизнь превратилась в череду вечеринок и выпивки. В шоу-бизнесе нет людей, которые не умеют пить, и он не хвастался, но ещё ни разу не встречал того, кто мог бы его уложить. Даже целая компания не смогла бы его свалить. Но в тот день он проиграл Тан Сю, и это поражение было настолько неожиданным, что казалось ударом грома среди ясного неба.

Этот актёр с нежным лицом пил джин, как воду, текилу, как спрайт, а коктейли — как разбавленный спрайт. Не только его алкогольная выносливость была впечатляющей, но и способность поглощать жидкости. Его живот казался наполненным целым авианосцем.

— Цзян-дао?

Голос Цзян Цяо звучал несколько приглушённо:

— Ладно, пей.

Тан Сю улыбнулся. Он редко смеялся искренне. Е Чжихэн как-то сказал, что его искренняя улыбка выглядит особенно красиво, но, к сожалению, она крайне редка. Тан Сю смеялся, думая о том, что, кажется, с тех пор как он стал артистом, он стал смеяться чаще, но не мог вспомнить, по каким именно поводам.

Цзян Цяо, сидя рядом, смотрел на него, не в силах понять, что он чувствует, и постепенно погрузился в состояние пустоты.

— Приехали.

Цзян Цяо резко очнулся:

— Ага.

Тан Сю остановил машину на левой стороне велосипедной дорожки, включив аварийку, и они вышли, чтобы осмотреть место происшествия.

На самом деле, посмотреть было особенно не на что. Столб был слегка повреждён, но это не создавало проблем, основание укрепили арматурой, бордюр был слегка разбит. Все следы указывали на то, что прошлой ночью произошла авария, настолько незначительная, что её можно было сравнить с зёрнышком кунжута.

Однако Тан Сю, постояв рядом со столбом, внезапно сказал:

— Что-то не так.

Цзян Цяо поднял бровь:

— Что именно?

— На этой дороге фонари стоят часто, если один из них сломался, это не значит, что впереди нельзя было увидеть машину. Я думаю, Лу Канцзин скрыл часть причин аварии.

Цзян Цяо усмехнулся:

— Анализировать фонари — это лишнее. Разве его объяснение не кажется тебе натянутым? Ночью на дороге было всего две машины, и он всё равно смог догнать. Насколько он был «в полёте» в тот момент?

— В полёте? — Тан Сю машинально повторил это слово.

— Что?

— Ничего.

Он вдруг вспомнил вопрос, который Сун Мянью задавал Лу Канцзину, когда избивал его.

— Сколько ты вчера ночью «сделал»?

— Двое.

— Двое?! Если будет ещё раз, я тебе ноги сломаю!

Тогда он подумал, что Лу Канцзин мог действительно быть пьян за рулём, и что результаты теста на алкоголь были подделаны. Но теперь, подумав внимательно, если речь шла о выпивке, глагол «сделал» звучал странно.

Тан Сю внезапно потянул Цзян Цяо за рукав:

— Цзян-дао, после того как мужчина и женщина занимаются любовью, они чувствуют себя опустошёнными или «в полёте»?

Цзян Цяо, который как раз с сожалением ощупывал пачку сигарет в кармане, чуть не прикусил язык от неожиданности:

— Что ты имеешь в виду?

Тан Сю выглядел серьёзно:

— У меня нет такого опыта, поэтому я спрашиваю вас.

Цзян Цяо разозлился:

— У меня тоже нет!

Тан Сю нахмурился:

— Вам... уже тридцать, наверное.

Цзян Цяо упрямо выпрямился:

— Скоро будет. Что ты хочешь сказать?

Тан Сю снова улыбнулся:

— Ничего. Просто восхищаюсь... вы действительно настоящий режиссёр.

Цзян Цяо снова был ошарашен.

На обратном пути Тан Сю сказал Цзян Цяо:

— Режиссёр, прочитайте мне ещё раз комментарии в интернете.

Цзян Цяо разблокировал телефон, но не стал глупо читать вслух, а просто молча посмотрел

некоторое время, затем убрал телефон и вздохнул:

— Сун Мянью, похоже, действительно закончил. В интернете его разносят в пух и прах, он до сих пор не вышел с заявлением, ваша компания тоже молчит. Думаю, всё плохо.

Тан Сю почувствовал лёгкий дискомфорт. Сун Мянью был хорошим человеком, хоть и вёл себя развязно и избил Лу Канцзина, но его интуиция не подводила. В глубине души этот человек был благородным, с чувством справедливости.

Думая о Сун Мяне, Тан Сю отвлёкся и не заметил, как машина перед ним пересекла линию в тот момент, когда жёлтый свет сменился красным. Он совершенно не обратил на это внимания и проехал следом.

В следующую секунду машина справа резко засигналила, и Тан Сю очнулся, осознав, что проехал на красный свет. В тот же момент Цзян Цяо схватил его руль и помог свернуть, машина слегка сместилась влево и остановилась на жёлтой сетке, пешеходы вынуждены были обойти её, а водитель той машины опустил стекло и закричал:

— Чёрт! Ты что, под кайфом? Идиот!

Тан Сю замер, не столько из-за неожиданности, сколько из-за слов того водителя.

— Ты что, под кайфом!

Он задумался, но Цзян Цяо вдруг толкнул его локтем:

— Быстро, пересаживайся на заднее сиденье.

Тан Сю поднял голову:

— Что?

— Быстро. — Цзян Цяо уже схватил его за воротник, и Тан Сю был ошеломлён. Режиссёр действительно был выше его на пять сантиметров, но в одежде выглядел довольно худощавым. Если бы не этот момент, когда его так легко подняли, Тан Сю никогда бы не подумал, что под одеждой у него такое мускулистое тело.

Разве сигареты и алкоголь не были источником вдохновения для режиссёра? Как он мог быть таким накачанным, совсем не похожим на человека, который сидит дома, курит, пьёт и возится с камерой.

Пока он размышлял о Цзян Цяо, тот уже протолкнул его через щель между водительским и пассажирским сиденьями на заднее сиденье. К счастью, машина компании была большой и просторной, так что он не выглядел слишком неловко, поправил одежду и спокойно сел на заднее сиденье.

Тан Сю поднял голову и через боковое стекло увидел, как из полицейской будки на перекрёстке вышел полицейский в форме, спустился по маленькой железной лестнице и направился к ним.

Он с опозданием понял, что собирается сделать Цзян Цяо, но тот уже пересел на водительское место, опустил стекло и обратился к полицейскому:

— Товарищ полицейский.

Полицейский холодно посмотрел на него, узнал Цзян Цяо и немного замешкался:

— Вы Цзян Цяо, да?

Цзян Цяо неловко улыбнулся:

— Да, это я.

— Даже известный режиссёр не имеет права ездить на красный свет. Где ваши права?

Права Цзян Цяо были в его собственной машине, он вздохнул и сказал:

— Я временно взял машину компании, прав с собой нет.

— Без прав и так лихо ездите? — Полицейский повернулся и указал на светофор. — Вы видели, что там красный?

— Видел.

Полицейский усмехнулся, вырвал квитанцию и шлёпнул её на край окна:

— Шесть баллов, штраф двести юаней. Без прав оставляйте машину, идите за правами.

Он снова посмотрел на заднее сиденье:

— А это кто?

Цзян Цяо без тени смущения ответил:

— Новый ассистент в студии.

— Ассистент есть, а он не водит, ассистенты теперь для украшения... — пробормотал полицейский. — Ладно, потом забирайте машину в управлении, в одном квартале отсюда.

Цзян Цяо беспомощно вздохнул, столкнувшись с непреклонным полицейским, даже известный режиссёр ничего не мог поделать. Он повернулся и сказал:

— Выходи.

Тан Сю и Цзян Цяо вышли, Тан Сю вызвал такси и поехал в компанию. В пути Цзян Цяо молчал, и Тан Сю несколько раз сдерживался, но наконец не выдержал:

— Режиссёр, зачем вы взяли вину на себя?

Цзян Цяо нахмурился:

— Новичок, ты только что сошёл с топов тем, хочешь снова туда вернуться?

Тан Сю на мгновение задумался, затем невольно улыбнулся:

— Вы действительно слишком серьёзный режиссёр.

Цзян Цяо посмотрел на него с укором:

— Штраф оплачиваешь ты, и ещё угостишь меня парой бутылок.

— Договорились.

Они доехали до компании, сели в машину Цзян Цяо и собирались уезжать, когда Тан Сю заметил в подземном гараже Сун Мянэ и Лу Канцзина.

Подземный гараж, вероятно, был единственным безопасным местом в компании, полностью закрытым, без возможности появления папарацци.

Сун Мянэ и Лу Канцзин стояли у стены, Лу Канцзин стоял, а Сун Мянэ сидел на корточках и курил. Окурок был уже длинным, на земле валялась куча бычков.

Лу Канцзин вдруг потянулся за сигаретой Сун Мянэ, но тот отшлёпал его по руке.

— Пойдём, детектив?

Тан Сю остановил руку Цзян Цяо, которая уже тянулась к зажиганию:

— Пока не трогайся, посмотрим, что они делают.

Цзян Цяо промолчал, не стал подкалывать Тан Сю. Его взгляд упал на руку Тан Сю, лежащую на его запястье.

Кожа была белой и гладкой, пальцы длинными и изящными, тёплыми и мягкими, как кусок нефрита с температурой кожи, приятным для глаз и для души.

Цзян Цяо несколько раз колебался:

— Эй, ты давишь мне на руку.

Тан Сю слегка похлопал его по запястью:

— Тсс, не шуми, посмотри, что они говорят.

Первым заговорил Лу Канцзин, он произнёс три слова, которые легко было разобрать по губам.

— Что делать?

<http://bllate.org/book/16171/1449705>